

Говард Филлипс Лавкрафт

Зов Ктулху

(The Call of Cthulhu)

(Найдено среди бумаг покойного Френсиса Терстона, жителя Бостона)

Со всей очевидностью можно полагать, что от столь могущественных сил или существ мог остаться некий живой реликт — представитель весьма отдаленной эпохи, когда сознание, быть может, проявлялось в формах, исчезнувших задолго до того, как Землю затопил людской прилив, — в формах, мимолетную память о которых сумели сохранить разве лишь поэзия да легенды, именующие их богами, чудовищами и мифическими существами всех родов и видов...

Элджернон Блэквуд

I

Ужас, воплощенный в глине

Мне думается, что высшее милосердие, явленное нашему миру, заключается в неспособности человеческого разума понять свою собственную природу и сущность. Мы живем на мирном островке счастливого неведения посреди черных вод бесконечности, и самой судьбой нам заказано покидать его и пускаться в дальние плавания. Науки наши, каждая из которых устремляется по собственному пути, пока что, к счастью, принесли нам не так уж много вреда, но неизбежен час, когда разрозненные крупницы знания, сойдясь воедино, откроют перед нами зловещие перспективы реальности и покажут наше полное ужаса место в ней; и это откровение либо лишит нас рассудка, либо вынудит нас бежать от мертвящего просветления в покой и безмятежность новых темных веков.

Теософы догадывались о грозном величии космического цикла, в котором наш мир и сам род человеческий являются всего лишь быстротечными эпизодами. Они указали на возможность сохранения до наших времен отдельных реликтов минувшего, но при этом пользовались весьма туманными определениями, какие, не будь они прикрыты елеем утешительного оптимизма, наверняка заставили бы заледенеть нашу кровь и саму душу. Но отнюдь не из их писаний дошел до меня отблеск давно минувших и недоступных нашему сознанию времен — до сей поры меня

пронизывает холод, когда я о нем думаю, и я едва не схожу с ума, когда вижу его во снах. Отблеск этот, подобно всем внезапным явлениям истины, вспыхнул в моем сознании вследствие нечаянно возникшей связи между разрозненными фактами. В моем случае это были две вещи — статья из старой газеты и рукопись покойного профессора, моего деда. Молю Бога, чтобы никому на свете не вздумалось восполнить зияющие в моем рассказе пробелы, а уж я сам, пока жив, нипочем не возьмусь за это дело. Думаю, что и покойный профессор намеревался вечно хранить молчание о том, что ему довелось узнать, и непременно уничтожил бы свои записки, не постигни его внезапная смерть.

Мое знакомство с ужасающими фактами этой истории началось зимой с 1926-го на 1927 год, когда скоропостижно скончался мой двоюродный дед Джордж-Гэммел Энджелл, профессор Браунского университета в Провиденсе, штат Род-Айленд, слывший великим знатоком семитских языков. Кроме того, он получил широкую известность как специалист по древним надписям и в качестве такового часто приглашался для консультаций директорами самых прославленных музеев мира, так что его внезапный, пусть и в возрасте девяноста двух лет, уход из жизни, думается мне, не остался незамеченным в научных кругах. Интерес к его кончине подогревался также сопутствующими ей странными обстоятельствами и отсутствием очевидных причин. Смерть настигла профессора вскоре после того, как он прибыл в родной город на ньюпортском пароходе. Очевидцы утверждали, что он упал замертво, случайно столкнувшись с никому не известным негром, по виду матросом, выскочившим из дверей подозрительного притона, каких немало встречается на обрывистом морском берегу, по которому проходит кратчайший путь от портового района к дому покойного на Уильямс-стрит. Врачи не сумели обнаружить в его организме никаких признаков серьезных заболеваний и после долгих дискуссий пришли к выводу, что причиной смерти стала внезапная остановка сердца, вызванная, по их мнению, не в меру резвым для такого пожилого человека подъемом по крутому склону горы. В то время у меня не было причин оспаривать это заключение, но последующие обстоятельства заставили меня изменить свое мнение.

Мой дед умер бездетным вдовцом, и от меня, его единственного наследника и душеприказчика, справедливо ожидали наведения порядка в оставленных им бумагах, а также основательного их изучения. Выполняя свой долг, я перевез дедовский архив — целую гору папок и ящичков с документами — в свою бостонскую квартиру. Многие разобранные мною материалы будут вскоре опубликованы Американским археологическим обществом, но содержимое одного из ящичков показалось мне слишком странным, и, следуя какому-то инстинктивному чувству, я решил, что его надлежит держать подальше от посторонних глаз. Изначально ящик был заперт, и я не мог к нему подступиться до тех пор, пока мне не случилось наткнуться на кольцо с ключами, которое профессор всегда носил при себе в кармане сюртука. Только тогда мне удалось отпереть ящик — но, как оказалось, лишь для того, чтобы оказаться лицом к лицу с куда более головоломной проблемой. Что могли означать содержащиеся в нем предметы — странного вида глиняный барельеф, разрозненные рукописи, беглые заметки и кипа газетных вырезок? Не стал ли мой дед жертвой какой-нибудь дешевой мистификации? Чтобы пролить свет на эти вопросы, я твердо решил разыскать эксцентричного скульптора, осмелившегося, как мне тогда подумалось, бесцеремонно нарушить душевное равновесие почтенного человека.

Барельеф представлял собой неправильный прямоугольник толщиной менее дюйма и размером пять на шесть дюймов. По всей очевидности, он был изготовлен совсем недавно. Однако по своему духу и стилю он был далек от современности, ибо, какими бы многообразными и необузданными ни были прихоти нынешнего кубизма и футуризма, они чаще всего не достигают той неизъяснимой глубины и непосредственности, какие таятся в творениях первобытных мастеров. Здесь же, как мне показалось, проглядывало нечто весьма родственное последним, хотя

моя память — при моем уже достаточно близком знакомстве с обширными коллекциями и трудами деда — потерпела полную неудачу в попытках приискать хоть какие-нибудь аналогии к этому предмету или уловить хотя бы намек на что-либо подобное в других культурах.

Нижняя часть плиты изобиловала знаками иероглифического характера, а над ними была помещена фигура, в которой угадывалось стремление художника изобразить нечто вполне конкретное — стремление, которому, увы, не способствовала импрессионистская манера исполнения. То было некое чудовище или, скорее, его обобщенный образ, который могло породить лишь воспаленное воображение безумца. Если я скажу, что при взгляде на барельеф моя в достаточной степени изощренная фантазия нарисовала комбинацию из осьминога, дракона и уродливого подобия человека, то мне удастся приблизительно передать характер этого странного произведения. Неуклюжее чешуйчатое тело с рудиментарными крыльями венчала мясистая, снабженная щупальцами голова; однако по своему шокирующему впечатлению все эти детали не шли ни в какое сравнение с цельным обликом фантастического существа. За фигурой скульптором было намечено подобие заднего плана, являвшего собою смутный намек на некое циклопическое строение.

Помимо вороха газетных вырезок к странному барельефу прилагалась стопка бумаг, по всей видимости, совсем недавно исписанных рукой профессора Энджелла — причем исписанных в спешке, судя по стилистическим погрешностям, для него нехарактерным. Самым существенным из этих документов мне показалась рукопись с заглавием «Культ Ктулху», второе слово которого было тщательно выписано печатными буквами с явной целью избежать ошибки в воспроизведении столь труднопроизносимого буквосочетания. Рукопись состояла из двух частей. Первую часть предваряло заглавие «1925 год: Сновидческий опыт Г. Э. Уилкокса, проживающего в доме № 7 по Томас-стрит, Провиденс, штат Род-Айленд», вторую — «1908 год: Факты, изложенные инспектором полиции Джоном Р. Леграссом (№ 121, Бьенвилль-стрит, Новый Орлеан, штат Луизиана) на собрании Американского археологического общества. Замечания по этому поводу и сообщение профессора Уэбба». Остальные бумаги в основном представляли собой разрозненные краткие заметки; в одних описывались странные сны различных лиц, в других содержались выписки из теософских журналов и книг (в первую очередь из «Атлантиды и исчезнувшей Лемурии» У. Скотт-Эллиота), в третьих — сведения о переживших века тайных обществах и запретных культах со ссылками на соответствующие места в известных мифологических и антропологических источниках наподобие «Золотой ветви» Фрэзера и «Культа ведьм в Западной Европе» мисс Мюррей. Что же касается газетных вырезок, то все они были посвящены необыкновенным случаям душевных заболеваний и вспышкам группового помешательства, имевшим место весной 1925 года.

Первая часть основной рукописи излагала весьма необычную историю. 1 марта 1925 года к профессору Энджеллу явился худощавый смуглый молодой человек явно невротического и склонного к экзальтации типа. В руках у него был диковинный барельеф, вылепленный из совсем еще свежей, сырой на ощупь глины. В поданной им визитной карточке значилось имя Генри Энтони Уилкокса, младшего отпрыска одной весьма добропорядочной семьи. Мой двоюродный дед уже имел о нем некоторое представление: в последнее время этот юноша обучался ваянию в род-айлендском художественном училище и жил отдельно от родных, по соседству с училищем, в особняке Флер-де-Лис, превращенном в общежитие художников. Уилкокс развился рано и, по общему признанию, демонстрировал зачатки одаренности, даже гениальности, но был крайне эксцентричным подростком: с раннего детства он проявлял особый интерес ко всяким необычным историям, видел странные сны и любил пересказывать их кому ни попадя. Сам он считал себя «психически сверхчувствительным» индивидуумом, но солидная публика старинного купеческого города между собой именовала его не иначе как «малый с вывихами». Неохотно

общаясь с людьми своего круга, он постепенно выпал из поля зрения местного общества и был известен лишь немногим людям искусства и эстетам, проживавшим по большей части в других городах. Члены «Клуба любителей искусств» Провиденса, заботясь о сохранении своей консервативной репутации, объявили молодого художника совершенно безнадежным.

В рукописи говорилось, что, не успев перемолвиться с хозяином дома и парой слов, молодой скульптор вдруг, без всякого предисловия, спросил, не сможет ли профессор, обладающий столь глубокими познаниями в археологии, разобраться в иероглифах, начертанных на принесенном им барельефе. Изъяснялся он в высокопарной романтической манере, которая поначалу показалась моему деду не чем иным, как притворством и попыткой изобразить мнимое почтение, а потому он отвечал на вопрос гостя довольно резко — тем более что очевидная свежеиспеченность предъявленной ему штуковины свидетельствовала о ее отношении к чему угодно, но только не к археологии. Последовавшее за этим возражение юного Уилкокса, поразившее моего деда и записанное им слово в слово, весьма точно характеризует как странную, фантастическую поэтику, пронизывающую всю его речь, так и всю его личность в целом. «Ну конечно, — подтвердил он с готовностью, — это совсем новая вещь. Я сам сделал ее прошлой ночью во сне, явившем мне странные города и картины прошедших эпох, о которых ничего не ведали ни мечтательный Тир, ни созерцательный Сфинкс, ни опоясанный садами Вавилон...»

Так приступил он к своему лихорадочному, сбивчивому рассказу, неожиданным образом пробудившему живой отклик в дремлющей памяти профессора, который слушал собеседника с возрастающим интересом. Прошлой ночью произошло небольшое, но самое значительное из всех пережитых Новой Англией за последние годы событий — землетрясение, которое, по-видимому, в значительной мере подстегнуло воображение Уилкокса. Итак, отправившись в постель, он заснул и увидел совершенно невероятный сон, в котором ему предстали циклопические города, сложенные из каменных плит и устремленных к небу монолитов. Угрюмые, опутанные мокрой зеленой тиной сооружения источали некую потаенную угрозу. Стены зданий и многочисленные колонны пестрели иероглифами, а снизу, из какой-то непостижимой глубины, исходил голос — скорее даже не голос, а смутное, едва уловимое внушение, которое даже самая изощренная человеческая фантазия вряд ли смогла бы передать в звуковой форме. Во всяком случае, когда Уилкокс попытался сделать это, у него получилось нечто почти непроницаемое: «Ктулху фхтагн».

Это звуко сочетание не на шутку взволновало и встревожило профессора Энджелла. Со всей дотошностью ученого он принялся выпытывать у скульптора мельчайшие детали его сновидения и почти с неистовым напряжением рассматривал барельеф, за работой над которым застало одетого в одну ночную рубашку, дрожащего от холода и ничего не понимающего Уилкокса внезапное пробуждение от сна. Позже скульптор рассказывал мне, что в тот момент мой дед проклял свой преклонный возраст и самого себя в придачу за медлительность и неспособность сразу распознать как иероглифы, так и само изображение. Некоторые из вопросов деда показались его гостю не имеющими никакого отношения к делу — в первую очередь это касалось попыток старика выведать у Уилкокса, не связан ли тот с какими-либо тайными культами и обществами. Он никак не мог взять в толк, к чему это профессор чуть ли не через каждое слово обещает молчать как рыба, если его удостоит приема в члены якобы известного его посетителю не то мистического, не то языческого религиозного общества. Когда же профессор Энджелл окончательно уверовал в то, что скульптор и в самом деле не имеет никакого отношения ни к одному из существующих на свете культов и тайных обрядов, он под честное слово обязал своего визитера рассказывать ему все свои последующие сны. Тот сдержал обещание, и с момента первой встречи юноши с моим дедом рукопись стала ежедневно пополняться записями, передающими наиболее поразительные фрагменты ночных видений скульптора, в каждом из которых непременно присутствовал гнетущий душу образ темных, сочащихся водой

циклопических монолитов и звучащий откуда-то из-под земли невнятный голос — или, вернее, вещающее прямо в мозг чье-то злое сознание. Два наиболее часто повторяющихся созвучия можно было передать как «Ктулху» и «Р'льех».

23 марта, гласит рукопись, Уилкоккс не пришел, как обычно, к профессору. Последний осведомился по месту жительства молодого человека и узнал, что тот неожиданно впал в странное лихорадочное состояние и был перевезен в родительский дом на Уотермен-стрит. Ничто не предвещало болезни, однако ночью он вдруг разразился диким воплем, поднявшим на ноги всех художников, проживавших в том же доме. Состояние больного внушало серьезные опасения: периоды глубокого обморока чередовались у него с приступами горячечного бреда. Мой дед тут же позвонил родителям юноши и с того момента внимательно следил за ходом болезни, регулярно навещая также доктора Тоби с Тайер-стрит, попечению которого был поручен скульптор. Возбужденный лихорадкой мозг юноши осаждали настолько странные образы, что даже выдавшего виды доктора пробирала невольная дрожь, когда он начинал пересказывать их моему деду. Теперь помимо прежних образов в бреду постоянно встречались фантастические упоминания о встречах с неким гигантским, «во много миль ростом», существом, которое передвигалось тяжелой поступью. Ни разу юноше не удалось описать его сколько-нибудь отчетливо, но и те отдельные сдавленные восклицания, которые довелось услышать доктору Тоби, убедили профессора, что этот образ, по-видимому, идентичен тому жуткому монстру, которого скульптор пытался отобразить в своем барельефе. Упоминание этого существа, добавил доктор, неизменно служило прелюдией к переходу больного из бреда в бессознательное состояние. Как ни странно, температура тела юноши была не намного выше нормальной, но тем не менее совокупность симптомов заставляла предположить скорее какую-то разновидность лихорадки, нежели умственное расстройство.

2 апреля, около трех часов пополудни, лихорадка Уилкоккса прекратилась столь же внезапно, сколь и началась. Он сел в постели, выразив безмерное удивление тем обстоятельством, что ни с того ни с сего вдруг оказался в родительском доме, и обнаружив полный провал в памяти относительно всего, что происходило с ним начиная с ночи 22 марта. Врач нашел пациента вполне здоровым, и через три дня тот вернулся в свое жилище во Флер-де-Лис. Однако с того времени он больше ничем не мог помочь профессору Энджеллу. Вместе с болезнью его покинули и все странные видения; еще с неделю он послушно пересказывал моему деду свои сны, но они имели столь банальное, плоское и не относящееся к делу содержание, что очень скоро профессор перестал переводить на них свое время и бумагу.

На этом первая часть рукописи заканчивалась, но встречающиеся в ней ссылки на некоторые другие разрозненные материалы предоставили мне обильную почву для размышлений — настолько обильную, что только закоренелый скептицизм, являвшийся в то время основой моей жизненной философии, мог объяснить мое по-прежнему упрямое недоверие к рассказам художника. Вызывали сомнение и записи деда, воспроизводящие сны, которые посещали других людей в тот же самый период, когда юный Уилкоккс пересказывал профессору свои бредовые ночные видения. Похоже, в то время мой дед основал нечто вроде своеобразной статистической службы, проводившей опросы среди тех его друзей и знакомых, к кому он считал уместным обратиться. Таких набралось немало, и от каждого из них дед затребовал описания и точные даты всех наиболее примечательных снов, виденных в последнее время. Отклики на его запросы оказались столь пестрыми, а их количество было столь велико, что мне показалось удивительным, как мог пожилой человек, да еще не имеющий при себе секретаря, управиться с таким обилием материала. Оригиналы писем не сохранились, но дедовы комментарии к ним давали ясное представление о содержании снов. Опрос представителей деловых кругов и прочей публики из среднего класса местного общества, этой пресловутой новоанглийской «соли земли», в целом дал

отрицательный результат, хотя в отдельных случаях и были зафиксированы тревожные, равно как и бессвязные ночные впечатления. При этом они неизменно относились ко времени между 23 марта и 2 апреля — датам, ограничивающим период бредового состояния Уилкокса. Ненамного более чувствительными оказались и люди научного склада. Впрочем, в четырех случаях описаний снов угадываются очертания странных ландшафтов, а в одном проступает страх перед чем-то неестественным и ненормальным.

Самые интересные ответы поступили от художников и поэтов, и я могу себе представить, какому паническому ужасу дали бы волю эти люди, имея они возможность сойтись и сравнить свои впечатления. Как бы там ни было, но, не имея на руках оригиналов ответных писем, я сильно подозревал профессора в том, что он задавал своим адресатам наводящие вопросы, а потом еще и редактировал всю корреспонденцию с вольным или невольным желанием найти в ней то, что ему хотелось. Вот почему мне по-прежнему казалось, что Уилкоккс, каким-то образом осведомленный об имевшихся на руках у профессора странных фактах, постоянно и вполне намеренно вводил последнего в заблуждение. Что же до ответов, полученных от людей искусства, то они представляли собой поистине захватывающее повествование. С 28 февраля по 2 апреля многие из опрошенных видели во сне чрезвычайно причудливые вещи, причем интенсивность этих сновидений многократно возрастала в период времени, соответствующий бредовому состоянию скульптора. Свыше четверти всех писем было посвящено описанию ландшафтов и полужвуков-полувнушений, немногим отличающихся от тех, что являлись в бреду Уилкоксу; некоторые респонденты сообщали о чувстве неизбежного ужаса, испытанном ими при виде приближавшегося гигантского существа. Но один случай, подчеркнуто выделяемый в заметках, был особенно ужасен. Речь идет об одном широко известном архитекторе, в свое время страстно увлекавшемся теософией и оккультизмом. Именно в тот день, когда с Уилкоксом случился припадок, он внезапно впал в буйное помешательство и скончался через несколько месяцев, исполненных невыразимых страданий и непрерывных криков, в которых можно было слышать мольбу спасти его от некоего выходца из ада. Если бы мой дед, описывая все эти случаи, проставлял над ними вместо ничего не говорящих порядковых номеров имена респондентов, я бы мог провести собственное расследование и убедиться в подлинности собранных им фактов. Но делать было нечего — мне удалось выявить лишь минимальное число опрошенных. Все они, однако, в общем и целом подтвердили правдивость записей. Я часто задавался вопросом: все ли адресаты профессора были столь же озадачены его странным письмом, как те, с кем мне удалось пообщаться? Как бы то ни было, я надеюсь, что мои нынешние рассуждения никогда не достигнут их ушей.

Как я уже говорил, приложенные к барельефу газетные вырезки сообщали о многочисленных случаях паники, умопомешательств и эксцентричного поведения людей все в тот же указанный выше период времени. Очевидно, профессор Энджелл воспользовался услугами какого-то пресс-бюро, ибо число вырезок было невероятно, а источники их разбросаны по всему свету. Сообщалось, например, о самоубийстве, которое совершил некий лондонец — посреди ночи он вдруг соскочил с постели и с ужасающим криком выбросился в окно. Цитировалось сбивчивое, маловразумительное письмо, отправленное редактору одной из южноафриканских газет каким-то фанатиком, который, проанализировав свои сны, пророчил человечеству ужасное будущее. Из Калифорнии извещали о раздаче членам одной из теософских колоний белых одежд для некоего «славного свершения», которое, впрочем, так и не состоялось; заметка из Индии сдержанно повествовала о серьезных волнениях туземцев, начавшихся в конце марта. Умножились оргии вуду на Гаити, а из отдаленных африканских факторий доносились вести о зловещем ропоте среди чернокожих. Американская администрация на Филиппинах отметила в этот же период брожение среди некоторых племен. В ночь с 22 на 23 марта нью-йоркские полицейские были окружены толпами истерически вопящих левантинцев. Весь запад Ирландии

полнился дикими слухами, а художник-фантаст Ардуа-Бонно выставил на весеннем парижском салоне 1926 года богомерзкое полотно «Ландшафт сновидений». Приступы буйства в психиатрических больницах были настолько многочисленными, что, пожалуй, только чудо не позволило медицинской братии заметить это странное совпадение и сделать соответствующие выводы. Тогда мне все это представилось лишь кипой занятных вырезок, но сегодня я едва ли смогу оправдать бесстрастный рационализм, побудивший меня равнодушно отложить в сторону пожелтевшие газетные листки. Правда, в то время во мне еще жило убеждение, что юный Уилкокк всего лишь ловко манипулировал некоей информацией, полученной им до встречи с профессором Энджеллом.

II

Рассказ полицейского инспектора Леграсса

Эта самая информация, благодаря которой барельеф и сновидения молодого скульптора приобрели такое огромное значение для моего деда, составляет содержание второй половины его объемистой рукописи. В разговоре с Уилкоксом профессор Энджелл, как я понимаю, припомнил, что однажды ему уже доводилось видеть изображение этого адского чудовища, равно как и изучать неведомые иероглифы. И уж конечно, он вспомнил зловещее звуко сочетание «Ктулху». Все это вызвало у него неожиданные и весьма тревожащие ассоциации, и потому нет ничего удивительного в том, что он тотчас потребовал от молодого скульптора представить ему всю полноту картины.

Воспоминания моего деда, связанные с этой историей, восходят к 1908 году — к семнадцатилетней давности собранию Американского археологического общества, состоявшемуся в Сан-Луи. Профессор Энджелл, как и приличествовало столь авторитетному ученому, должен был принять самое активное участие во всех дискуссиях. По этой же причине он оказался одним из первых, к кому обратилась группа лиц, не являвшихся членами общества, но воспользовавшихся благоприятным случаем, чтобы получить компетентные ответы на возникшие у них вопросы и разрешить ряд проблем, с которыми они столкнулись.

Главой этой делегации, вскоре оказавшейся в центре внимания научного общества, был полицейский инспектор Джон Реймонд Леграсс, человек средних лет и довольно невыразительной внешности, который прибыл из Нового Орлеана в надежде получить особого рода информацию, каковую ему не удалось раздобыть ни в одном из местных источников. Он принес с собой на собрание то, ради чего, собственно, и проделал столь долгий путь, — гротескную, отталкивающего вида и весьма почтенной древности каменную статуэтку, происхождение которой сам он никоим образом не мог определить. Не следует думать, что инспектора Леграсса хотя бы в малейшей степени интересовала археология. Его желание пролить свет на нечто доселе неизвестное объяснялось чисто профессиональными соображениями. Эта статуэтка — или идол, или фетиш, как ее ни назови — попала в руки полиции несколько месяцев тому назад во время операции по разгону предполагаемых приверженцев вуду, проведенной в заболоченных лесах к югу от Нового Орлеана. Однако на редкость странный и жуткий обряд, связанный с этим извятием, навел полицейских на мысль, что им довелось наткнуться на совершенно неизвестный доселе культ, по своему дьявольскому характеру далеко превосходящий даже самые зловещие ритуалы вуду. Его происхождение оставалось тайной, ибо из схваченных на месте членов секты не удалось выжать абсолютно ничего, кроме весьма путаных и неправдоподобных

показаний. Последнее обстоятельство и породило желание полиции установить природу ужасного символа, а через нее, быть может, и проследить сам культ до его первоисточника.

Едва ли инспектор Леграсс ожидал, что его вещественное доказательство произведет такую сенсацию, но факт остается фактом: одного лишь взгляда на принесенный им предмет было достаточно, чтобы вызвать настоящий ажиотаж среди собравшихся ученых господ. Они столпились вокруг инспектора и принялись так и эдак разглядывать небольшую фигурку, чья абсолютная несхожесть ни с одним из известных науке артефактов вкупе с неподдельно глубокой древностью столь убедительно указывала на еще не раскрытые тайны, уходящие в седые глубины веков. Каменная статуэтка представляла никому доселе неведомое направление в искусстве, при том что возраст ее мог исчисляться многими сотнями, а то и тысячами лет.

Фигурка медленно переходила из рук в руки, и, один за другим, ученые припадали к ней жадным взором, желая как можно тщательнее ознакомиться с этим древним чудом. Насчитывающая от семи до восьми дюймов в высоту статуэтка поражала удивительно высоким уровнем художественного исполнения. Она представляла собой некое чудовище, которое кроме карикатурных человекоподобных очертаний имело голову осьминога, лицо, от которого исходила масса щупалец, пористое чешуйчатое тело, крупные когти на передних и задних конечностях и в придачу длинные узкие крылья за спиной. Преисполненное неестественной злобы существо с раздутым туловищем в угрожающей позе сидело на прямоугольном пьедестале, покрытом не поддающимися прочтению письменами. Оконечности крыльев касались заднего края пьедестала, а длинные кривые когти согнутых нижних лап охватывали его передний край. Осьминожья голова страшилища грозно наклонилась вперед, так что кончики лицевых щупалец свисали на предплечья чудовищных передних лап, опирающихся на выгнутые дугой колени. При всем том статуэтка казалась не порождением фантазии, а изображением реального живого существа, еще более таинственного и зловещего по причине глубокой тайны, окутывавшей его происхождение. Бесконечно глубокая, неисчислимая годами древность фигурки не вызывала сомнений; при этом в ней не угадывалось ни малейшего намека на связь с какой бы то ни было ветвью древнего мирового искусства, пусть даже относящегося к самым первым проблескам земной цивилизации. Поистине, ее вообще невозможно было отнести ни к какому временному периоду. Даже материал, из которого она была изготовлена, оставался неразрешимой загадкой, ибо зеленовато-черный камень с золотистыми крапинками и радужными переливами не был известен в рамках привычной нам геологии или минералогии. Столь же непостижимыми оказались и знаки, нанесенные по всему пьедесталу статуэтки. Ни один из участников ученого собрания, представлявшего добрую половину мировых авторитетов в данной области, так и не смог найти ни малейшего указания на их хотя бы отдаленное лингвистическое родство с земными языками. Символы эти, равно как сама фигура и материал, принадлежали чему-то ужасно далекому, чему-то резко отличному от всего, что на сей день известно человеку; в них угадывались зловещие намеки на некие незапамятно древние и чудовищные циклы бытия, с которыми ни окружающий нас мир, ни наши представления о нем не имеют ничего общего.

И все же среди всех этих ученых мужей, сокрушенно покачивавших головами, признавая свою полную неспособность помочь инспектору, нашелся человек, который вдруг испытал престранное ощущение давнего знакомства как с жутким образом, так и с письменами и не без некоторого колебания поведал об этом присутствующим. То был ныне покойный Уильям Ченнинг Уэбб, профессор антропологии Принстонского университета, ученый-исследователь далеко не из последних. Сорок восемь лет тому назад ему довелось участвовать в экспедиции по Гренландии и Исландии, имевшей целью отыскать новые рунические надписи, но так и не преуспевшей в своем начинании. Однако, занимаясь исследованиями северо-западной части побережья Гренландии, профессор обнаружил вымирающее эскимосское племя, чьи верования — необычная

разновидность «дьяволопоклонничества» — поразили его своей омерзительной кровожадностью. Прочие эскимосы знали об этом культе очень мало и говорили о нем с содроганием, добавляя, однако, что исходит он из баснословно далеких времен — тех времен, когда наш мир еще не был создан. Помимо ужасных обрядов и человеческих жертвоприношений он унаследовал от древности ритуалы, посвящаемые высшему и старшему из дьяволов — Торнасуку, и профессор Уэбб тщательно записал из уст старого ангекока — шамана — фонетическое звучание имени верховного дьявола, как можно более точно передав его буквами латинского алфавита. Особое внимание ученого привлек жуткий фетиш, которому поклонялись приверженцы неведомого культа и вокруг которого они исступленно плясали, когда над ледяными утесами занималась заря. Это был, по утверждению профессора, грубо вытесанный из камня барельеф, содержащий неведомый чудовищный образ и таинственные надписи. Насколько он мог припомнить, в общих чертах он являл собой грубую аналогию той устрашающей фигуре, что ныне предстала перед глазами ученых мужей.

Это сообщение, чрезвычайно заинтересовавшее участников собрания, вдвое против того взволновало инспектора Леграсса, который тут же принялся допытывать профессора Уэбба расспросами. Он привез с собою записи ритуальных песнопений, исполнявшихся приверженцами болотного культа, и теперь попросил ученого как можно более точно припомнить звучание заклятий, слышанных им от эскимосов-дьяволопоклонников. В зале воцарилось поистине гнетущее молчание, когда после скрупулезного сопоставления всех мельчайших подробностей полицейский и профессор объявили о фактическом тождестве двух заклинаний, услышанных ими в столь далеко отстоящих друг от друга географических областях. Границы между словами угадывались по сохраненным традицией ритмическим паузам, и, по сути дела, то, что эскимосские шаманы и жрецы из луизианских болот распевали перед родственными друг другу идолами, сводилось примерно к следующему:

«Пх'нглуи мглв'нафх Ктулху Р'льех вгах'нагл фхтагн».

В одном существенном пункте Леграсс обладал перед профессором значительным преимуществом — некоторые из захваченных им молодых ублюдков согласились повторить то, что рассказывали о значении этих слов старики. По их утверждению, эту фразу можно было перевести так:

«В своем доме в Р'льехе мертвый Ктулху ждет и видит сны».

Уступая общему настоянию, Леграсс более подробно рассказал о своей встрече с болотными идолопоклонниками. То была совершенно поразительная история, и я ничуть не удивился, что она произвела на моего деда такое сильное впечатление. То, что поведал полицейский инспектор, во многом сходилось с самыми безумными видениями мифотворцев и самыми невероятными измышлениями теософов. Его слова указывали на поразительную способность даже столь невежественного сброда к мышлению космического размаха — способность, которую до того никто и предположить не мог в этих париях.

1 ноября 1907 года в полицию Нового Орлеана поступил отчаянный призыв о помощи, исходивший из расположенного к югу от города болотисто-озерного края. Местных скваттеров, по большей части примитивных, но добронравных жителей, выводивших свой род от соратников Жана Лафитта, смертельно перепугало неведомое явление, заставшее их врасплох посреди глубокой ночи. По всей видимости, речь шла об очередной оргии вуду, но творилась она с ужасающим размахом, о каком раньше никто и не слыхивал: с тех пор как в мрачных, населенных исчадиями ада лесах, куда не смел сунуть носа ни один честный человек, начался бесконечный грохот тамтама, в окрестных поселениях бесследно исчезли несколько женщин и детей. Из чащи

леса доносились исступленные вопли, пронзительный визг и душераздирающее пение, сопровождаемое бешеной пляской дьявольских огней. Люди не могут больше все это терпеть, заключил перепуганный посланец скваттеров.

На склоне дня, погрузившись в две конные повозки и автомобиль, два десятка полицейских во главе с дрожащим от страха проводником-скваттером двинулись в путь. Когда дорога стала совсем непроезжей, все спешили и несколько миль в угрюмом молчании шлепали по болоту, продираясь сквозь кипарисовые заросли, куда не проникал дневной свет. Отряду преграждали путь уродливые корни и свисающие вниз зловещие петли испанского бородатого мха; временами люди натыкались то на груды влажных камней, то на странные руины, гнетущее впечатление от которых усиливалось намеками проводника на дьявольский облик обитателей этих мест; всю эту унылую картину дополняли узловатые, гниющие стволы деревьев и замшелые болотные островки. Наконец показалось селение скваттеров, представлявшее собой кучку жалких лачуг, и тотчас же местные жители с истерическими воплями обступили вооруженных людей. Где-то далеко за селением слышался глухой рокот тамтамов, сквозь который через неправильные интервалы, соответствующие изменению направления ветра, пробивались леденящие душу крики. За хилым мелколесьем, через которое в лесном мраке вились бесконечные тропы, можно было разглядеть красноватые вспышки далеких костров. Никто из оробевших скваттеров, даже рискуя снова быть брошенным на произвол судьбы, не согласился продвинуться ни на дюйм вперед по направлению к месту, где проходил нечестивый шабаш идолопоклонников, а потому Леграссу и девятнадцати его коллегам пришлось одним, без проводника, нырнуть под черные своды незнакомого им леса.

Заболоченная местность, по которой продвигался отряд, издавна пользовалась дурной славой. Ходили легенды о таинственном озере, недоступном взору обычного смертного, в котором живет огромное полипообразное белое страшилище со светящимися глазами, а из испуганного шепота скваттеров можно было понять, что в полночь из подземных глубоких пещер на поклонение ему вылетают дьяволы с крыльями летучих мышей. Так повелось, говорили они, задолго до Д'Ибервиля, до Ла Саля, до краснокожих и даже до того, как в окрестных лесах появились первые звери и птицы. Один взгляд на этот кошмар означает немедленную и мучительную смерть, но ввиду того, что чудовище не раз являлось к поселянам во сне, они слишком хорошо знали об этом и предпочитали держаться от него подальше. Правда, нынешняя вудуистская оргия происходила на границе запретной территории, но этот участок болота и сам по себе был достаточно зловещим, и Леграссу пришло в голову, что, может быть, само место, на котором свершались ритуалы, вселяло в скваттеров большой ужас, нежели сопровождавшие его буйство и душераздирающие крики.

Только поэт или безумец мог бы подыскать слова для того, чтобы изобразить многоголосый гвалт, доносившийся до людей Леграсса, когда сквозь черную трясину они продирались навстречу красному зареву и глухому рокоту тамтамов. Эти дикие вопли, казалось, вырывались отчасти из человеческих, отчасти из звериных глоток, и было невозможно понять, то ли это люди издавали звериный рык, то ли зверь говорил языком человека. Неистовство, присущее животному миру, и оргиастическая разнузданность человека сплетались в единый демонический хор, и все эти исступленные вопли, визг и вой метались среди мрачных лесов подобно буйным порывам злобы, высвободившимся из непостижимых бездн ада. По временам нестройные завывания и вопли сменялись размеренным, ритмическим речитативом, и из множества глоток вырывалось слаженное монотонное пение, в котором постоянно повторялась одна и та же ритуальная формула:

— Пх'нглуи мглв'нафх Ктулху Р'льех вгах'нагл фхтагн!

Кроны деревьев становились все реже, стволы их — все тоньше, и наконец люди Леграсса буквально наткнулись на место, где происходила оргия. Четверо из них от ужаса едва устояли на ногах, один упал без сознания, а двое разразились безумными воплями, которые, к счастью, потонули в общей какофонии и не были услышаны идолопоклонниками. Леграсс плеснул холодной водой в лицо потерявшему сознание полицейскому, и весь отряд застыл на месте, замороженный кошмарным зрелищем.

Взгляду вновь прибывших открылся травянистый островок площадью около акра, безлесный и довольно сухой. Посреди него скакала, вихлялась и кружилась неопишимо уродливая человеческая орда, какую едва ли могло представить себе даже извращенное воображение Сайма или Ангаролы. Сбросив одежды, этот пестрый сброд мычал, блеял и ревел по-ослиному, корчась в дикой пляске вокруг чудовищно огромного, выложенного широким кольцом костра; в самом центре огненного круга, временами проглядывая сквозь колеблющуюся завесу пламени, стоял массивный, около восьми футов в высоту, гранитный монолит, на вершине которого, несоизмеримая с его громадными размерами, покоилась зловещего вида резная статуэтка. С десяти эшафотов, через правильные промежутки расставленных вокруг опоясанного пламенем монолита, свисали, уронив головы, до неузнаваемости изуродованные, беспомощные тела злосчастных скваттеров, ранее исчезнувших из окрестных поселений, а внутри образуемого ими ужасного кольца бесновался безумный хоровод идолопоклонников, бесконечной лентой вясь слева направо между кольцом мертвых тел и кольцом огня.

И может быть, только излишняя впечатлительность или же далеко отдающееся эхо были повинны в том, что одному из полицейских, испанцу по происхождению, почудилось, будто из расположенных поодаль и скрытых густой тенью зарослей, из самого сердца этого мрачного леса древних преданий и ужасов, кто-то зловеще вторил свершавшемуся на поляне ритуалу. Встретившись позднее с этим человеком — а звали его Джозеф Д. Гальвес, — я убедился, что он и в самом деле обладает на редкость ярким воображением. В разговоре со мной он зашел еще дальше в своих утверждениях — он стал уверять меня, что слышал также хлопанье чьих-то огромных крыльев и чувствовал на себе взгляд страшных светящихся глаз, а за дальними деревьями ему привиделась некая гороподобная белая масса. Похоже, бедняга чересчур наслушался всяких местных побасенок.

Потрясенные полицейские, однако, недолго пребывали в замешательстве. Чувство долга пересилило страх, и, несмотря на то что беснующаяся толпа насчитывала добрую сотню идолопоклонников, ведомый Леграссом отряд, положившись на силу огнестрельного оружия, решительно врезался в ряды омерзительного сброда. Последовавшие за этим пять минут дикого шума и хаоса не поддаются описанию. Посыпались мощные удары, загремели выстрелы — и вскоре вся завывающая орда бросилась наутек. Когда же операция закончилась, Леграсс насчитал сорок семь угрюмых, насупившихся пленников, которым он и приказал немедленно одеться и лечь на землю между двумя шеренгами полицейских. Пятеро из идолопоклонников остались лежать мертвыми, а двоих, получивших серьезные ранения, унесли на импровизированных носилках их товарищи. Стоявшая на гранитном столпе статуэтка была, естественно, конфискована и доставлена инспектором в полицейский участок.

Не успев как следует отдохнуть после долгого и утомительного обратного пути, Леграсс приступил к допросам. Пленники оказались людьми смешанной крови, крайне низкого социального положения и с явными отклонениями в психике. В большинстве своем то были матросы, потомки негров и мулатов, эмигрировавших, главным образом, из Вест-Индии и с португальских Островов Зеленого Мыса. Как раз они-то и привнесли в этот пестрый культ элементы вудуизма. Как выяснилось уже вскоре после начала допроса, в исповедуемом ими культе заключалось нечто более глубокое и древнее, нежели обычный негритянский фетишизм.

Эти жалкие создания, явившиеся продуктом вековой деградации и невежества, с удивительным упорством отстаивали истинность своего отвратительного символа веры.

Предметом их поклонения, как они утверждали, были великие Властители Древности, пришедшие в наш недавно зародившийся мир с неба и жившие в нем задолго до появления первых людей. Теперь Властители Древности ушли под землю и скрылись в морских водах, но их мертвые тела посредством сновидений поведали свои тайны первым людям на Земле, которые и создали на их основе вечно живущий культ. Продолжателями его и были пленники Лэграсса. Они считали, что их верования существовали и будут существовать, хоронясь от всех в тайных, разбросанных по миру местах, до той поры, пока не восстанет из своего темного дома в могучем городе Р'льех великий жрец Ктулху и не заберет всю Землю под свою власть, как это уже было в незапамятные времена. Как только звезды подадут ему тайный сигнал, он воззовет к своим приверженцам, и те будут готовы его освободить.

А до той поры ничто больше не должно быть сказано вслух, заявили пленники, ибо главную тайну не вырвать из них никакими мучительными пытками. Человек — отнюдь не единственная мыслящая тварь на Земле, ибо для поддержания веры в немногих своих адептах из вечного мрака уже появлялись некие существа. Но это были не великие Властители Древности. Ни один человек не видел Властителей Древности. Что же до резного идола, то он изображает Великого Ктулху, и никто не может сказать, подобны ли ему остальные Властители Древности, равно как никто из людей не сумеет прочесть древнюю надпись на пьедестале идола, приблизительное содержание которой передается из уст в уста. Впрочем, сам ритуальный напев не является тайной — его лишь нельзя произносить громко в присутствии непосвященных. Напев этот означает: *«В своем доме в Р'льехе мертвый Ктулху ждет и видит сны»*.

Позднее лишь двое из арестованных были признаны достаточно нормальными для того, чтобы отправиться на виселицу за совершенные ими злодеяния, остальных же передали в различные психиатрические клиники. Все они, впрочем, отрицали свое соучастие в убийствах несчастных скваттеров, утверждая, что те были совершены Черными Крылатыми Богами, прибывшими к ним на празднество из незапамятно древнего места собраний в населенном призраками лесу. Добиться более ясного рассказа от этих слабоумных мистиков было невозможно. Все сведения, которыми располагала полиция, были вытянуты главным образом из престарелого метиса по имени Кастро, заявившего, что давным-давно судно, на котором он плавал, заходило в не обозначенные на карте порты и что ему доводилось разговаривать с живущими в горах Китая бессмертными жрецами культа.

Старый Кастро припомнил обрывки ужасной легенды, по своей дикости затмевающей все измышления теософов. В ней дело представляется так, будто человек и окружающий его мир появились совсем недавно и ненадолго. Были века, когда на Земле правили другие создания, и у них были свои великие города. По словам Кастро, Бессмертные Китайцы сообщили ему, что их следы все еще находят в виде циклопических руин на островах Тихого океана. Все эти создания умерли за многие и многие тысячелетия до появления на Земле людей, но существует тайное средство оживить их — нужно лишь дождаться времени, когда звезды займут нужное положение в круговороте вечности. Эти древние создания и сами явились на Землю со звезд, принеся с собой собственные изображения.

Великие Властители Древности, продолжал Кастро, не состоят из плоти и крови. Конечно, у них есть определенная форма, что и доказывает эта изготовленная на звездах статуэтка, но они созданы не из плотного вещества. Когда-то звезды занимали благоприятное положение, и они могли, проплывая по космическим безднам, переходить из одного мира в другой, но потом звезды расположились неудачно, и их жизни настал конец. Но и не будучи живыми, они никогда не

умирают до конца. Сейчас все они лежат под каменными сводами домов великого города Р'льеха, сохраняемые заклинаниями могучего Ктулху для грядущего воскресения, которое наступит в час, когда звезды и Земля будут к этому готовы. Но в тот момент освобождению их тел должна поспособствовать какая-то посторонняя сила. Заклинания, сохраняющие их в целостности и сохранности, в то же время препятствуют им самим даже чуть-чуть сдвинуться с места, и им остается только лежать без сна во мраке и думать свои думы, пока над ними пролетают неисчислимые миллионы лет. Они знают, что происходит во Вселенной, ибо общаются передачей мыслей на расстоянии. Даже сейчас они разговаривают между собой в своих каменных гробницах. Когда после бесконечных времен хаоса пришли первые люди, великие Властители Древности сообщили самому чуткому из них о своем существовании, воздействуя на него через сновидения, ибо только так их язык может быть понят примитивными плотскими существами.

Тогда-то, шептал Кастро, первые избранные и создали культ поклонения малым идолам, принесенным Властителями Древности с темных звезд. Культ этот будет жить до той поры, пока звезды снова не примут правильное расположение, а жрецы тайного культа не вызволят Ктулху из его гробницы, чтобы затем оживить его подданных и возобновить его правление на Земле. Когда наступит этот час, человечество и само сможет стать таким же, как великие Властители Древности, — таким же вольным и необузданным, живущим по ту сторону добра и зла, презирающим законы и нормы морали; и тогда все люди будут кричать, убивать друг друга и пировать в великой радости. А потом освобожденные Властители Древности научат их кричать, убивать и радоваться по-новому, а еще позднее вся Земля воспламенится в самоуничтожающем экстазе освобождения. Но до той поры тайный культ должен посредством издревле установленных ритуалов хранить память о былом и предвещать грядущее явление Властителей Древности.

В очень давние времена отдельные избранные могли беседовать с лежащими в гробницах Властителями, но потом что-то случилось, и великий каменный город Р'льех со всеми своими монолитами и гробницами погрузился в океан, чьи глубокие, исполненные первородной тайны воды, сквозь которые не дано проникнуть даже мысли, прервали эту связь. Но культ никогда не умрет, и тайные жрецы говорят, что, когда звезды снова займут правильное положение, город поднимется из океанских бездн. Тогда из земли выйдут призрачные земные души и принесут непостижимые вести, собранные ими в пещерах под неведомыми ныне людям участками морского дна. Но о них старый Кастро не осмелился говорить более подробно. Он поспешно оборвал свою речь, и уже никакие уговоры и посулы не могли заставить его снова заговорить на эту тему. О подлинных размерах Властителей Древности он боялся даже помянуть. Главный центр тайного культа расположен в глубине непроходимых пустынь Аравии, где, затаившись среди песков, на которые не бросал взгляд ни один смертный, грезит во сне Ирем, Город Колонн. Культ Ктулху не имел никакого отношения к европейским ведовским культам и фактически неизвестен никому, кроме его приверженцев. В сущности, ни в одной оккультной книге не встречается никаких воспоминаний о нем, хотя Бессмертные Китайцы говорили, что в написанном безумным арабом Абдулом Альхазредом «Некрономиконе» посвященные могут уловить глубинный, доступный лишь очень немногим смысл; особенно же многозначительным является знаменитое двустушие, о котором до сих пор ходит много всяческих толков:

*То не мертво, что вечность охраняет,
Смерть вместе с вечностью порою умирает.*

Леграсс, потрясенный и озадаченный показаниями старого метиса, попытался отыскать хоть какие-то упоминания об этом культе в исторических документах, но все впустую. Видимо, Кастро был прав, утверждая, что его окутывает непроницаемая тайна. Специалисты из местного

Тулейнского университета не смогли пролить свет на происхождение культа, равно как и сказать что-нибудь вразумительное по поводу статуэтки, и тогда обескураженный полицейский инспектор обратился к высшим авторитетам в этой области, но и здесь все ограничилось лишь сообщением профессора Уэбба об экспедиции в Гренландию.

Лихорадочный интерес, вызванный среди членов Археологического общества рассказом Леграсса и его необыкновенной статуэткой, отразился в последовавшей затем оживленной переписке присутствовавших на собрании специалистов, хотя официальные публикации общества лишь вскользь упомянули о случившемся. Осторожность — первейшая заповедь для тех, кто привык частенько наткаться на откровенное шарлатанство и надувательство. Загадочную фигурку Леграсс передал на время профессору Уэббу, после смерти которого она снова вернулась к предыдущему владельцу и хранилась в его доме, где мне и довелось не столь давно ее увидеть. Без всяких сомнений, эта ужасная статуэтка родственна барельефу, сделанному во сне юным Уилкоксом.

Теперь я уже не удивляюсь тому, что дед мой был так взволнован рассказом скульптора, ибо легко представить себе его реакцию, когда через несколько лет после того, как Леграсс продемонстрировал ученым мужам свою таинственную статуэтку, он вдруг встретился с человеком, не только увидевшим во сне то же самое изображение и те же самые иероглифы на нем, но и сумевшим досконально воспроизвести несколько слов из устной формулы, одинаково произносимой и эскимосскими дьяволопоклонниками, и ублюдочными приверженцами культа из луизианских болот. Совершенно естественным было и то, что профессор Энджелл немедленно взялся за дело, проявив в своих исследованиях невероятную энергию и высочайшую скрупулезность истинного ученого; впрочем, как уже говорилось, в то время я еще подозревал молодого Уилкокса в подтасовке. В самом деле, мог же он краем уха услышать о том, что происходило на ученом собрании, и нарочито мистифицировать моего деда вымышленными сновидениями, дабы набить себе цену в глазах ценителей искусства. Мой скептицизм сильно поколебали дедовские записи снов других людей, а также огромная кипа газетных вырезок, подтверждавших те же факты. После тщательного повторного изучения рукописи и сопоставления выписок из теософских и антропологических трудов с рассказом Леграсса я отправился в Провиденс, все еще намереваясь при встрече с юным скульптором высказать ему свои упреки за столь непочтительное обхождение с пожилым ученым.

Уилкокс по-прежнему проживал в доме Флер-де-Лис, оказавшемся прескверной викторианской имитацией бретонской архитектуры семнадцатого столетия, нахально выставившей свой оштукатуренный фасад из шеренги элегантных домов в колониальном стиле, что теснились на древнем холме под сенью церкви, увенчанной прекраснейшим в Америке георгианским шпилем. Я застал его за работой и, оглядев расставленные тут и там скульптуры, тотчас же оценил его незаурядный талант. Я уверен, что в свое время о нем заговорят как об одном из лучших ваятелей-декадентов. Ему удалось воплотить в глине и мраморе тот томительно-страшный мир ночных видений и фантазий, который Артур Мейчен отобразил в своей прозе, а Кларк Эштон Смит — в поэзии и живописи.

Смуглый, хрупкий, не слишком опрятный на вид, он вяло откликнулся на мой стук в дверь, а затем, не поднимаясь со стула, справился, по какому делу я пожаловал. Когда я представился, он несколько оживился и сделал вид, что мое появление заинтересовало его, но не более того. Его можно было понять: ведь мой дед, возбуждив любопытство скульптора своими попытками разгадать его странные сны, при этом так и не объяснил, зачем ему все это понадобилось. Я тоже не стал распространяться на эту тему, но попытался как можно деликатнее вызвать его на откровенность. Очень скоро я убедился в его полнейшей искренности — во всяком случае, о своих сновидениях он толковал в манере, не оставляющей в этом никаких сомнений. По-видимому, они

оставили глубокий след в его душе и необыкновенно повлияли на все его творчество — одна из его скульптур особенно потрясла меня способностью навеять самые мрачные мысли. Ее прототипом мог быть только барельеф, вызванный к жизни его же собственным жутким сновидением, но более четкие очертания скульптуры, несомненно, сформировались под руками художника. Конечно же, это было то самое гигантское чудовище, о котором он бессвязно говорил в бреду. Вскоре я совершенно уверился в том, что Уилкоккс и в самом деле ничего не знал о тайном культе, за исключением, пожалуй, ничтожных подробностей, запомнившихся ему в ходе настойчивых расспросов, которым подверг его мой дед. И все же я отчаянно цеплялся за мысль, что мой собеседник мог приобрести свои кошмарные впечатления каким-то иным путем.

О своих снах он рассказывал все в той же причудливой, романтической манере, позволявшей отчетливо представить циклопический город, сложенный из осклизлых, позеленевших от влаги камней (геометрия его, как мимоходом заметил Уилкоккс, была абсолютно *невероятной*), и услышать этот зловещий, настойчивый, непрерывный ползув-полувнушение из-под земли: «Ктулху фхтагн, Ктулху фхтагн...» Я знал, что эти слова составляли часть жуткой фразы о мертвом Ктулху, видящем сны в каменной гробнице, и, признаюсь, несмотря на весь мой рационализм, они потрясли меня до глубины души. И снова мне показалось, что Уилкоккс откуда-нибудь да прослышал о дьявольском культе — просто этот факт позднее был им забыт, затерялся в массе прочих сведений, которые он почерпнул из книг или измыслил собственным умом. Могло же случиться так, что при обостренной чувствительности, свойственной молодому скульптору, мимолетно навеянный образ нашел подсознательное воплощение в его снах, затем в барельефе и, наконец, в страшной скульптуре, которую я увидел в его мастерской. В таком случае обман, которому поддался мой дед, носил абсолютно невинный характер. Мне никогда не нравился такой тип людей, несколько аффектированный и развязный, но при этом я не мог отказать молодому человеку ни в гениальности, ни в порядочности. Распрощался я с ним вполне дружески, пожелав ему творческих успехов.

История с дьявольским культом по-прежнему сильно меня занимала, а временами я даже тешил себя мечтами о славе, которую могли бы доставить мне изыскания в этой области. Я побывал в Новом Орлеане, долго расспрашивал Леграсса и его коллег о ночном полицейском рейде и внимательно рассмотрел ужасную статуэтку. Кроме того, мне удалось побеседовать кое с кем из оставшихся в живых болотных пленников. Старый Кастро, к сожалению, умер несколько лет тому назад. Все, что мне довелось услышать из первых уст, было по сути лишь более живым и подробным подтверждением записей моего деда, но от этого интерес мой только возрастал — я ощущал все большую уверенность в том, что нащупал реальный след древнего и глубоко затаившегося верования, и это открытие могло поставить меня в ряд выдающихся антропологов. Я все еще считал себя убежденным материалистом (на самом деле мне просто хотелось им быть) и упорно не принимал в расчет полное совпадение записей профессора Энджелла со зловещими фактами, о которых сообщали газетные вырезки.

Но здесь существовало еще одно обстоятельство. Прежде я лишь подозревал, а теперь был уже вполне уверен в том, что смерть моего деда отнюдь не была естественной. Я уже упоминал о том, что он упал замертво на узкой улочке, ведущей к его дому от старого припортового района, кишашего подозрительными чужеземцами, после того, как его неосторожно толкнул какой-то чернокожий матрос. Я помнил о преследованиях, каким подверглись луизианские болотные идолопоклонники, большую часть которых составляли матросы-полукровки, и ничуть не удивился бы, узнав о злодейском использовании ими отравленных игл и прочих тайных способах умерщвления людей, таких же древних и безжалостных, как и сами их запретные верования. Правда, Леграсса и его людей пока не трогали, но мне доподлинно известно, что один норвежский моряк, видевший нечто загадочное из той же области, теперь уже мертв. Разве не могли слухи о

дотошных исследованиях, предпринятых моим дедом после встречи со скульптором, достигнуть чьих-либо недобрых ушей? Теперь-то я знаю — профессор Энджелл умер потому, что знал или хотел знать слишком много. И неизвестно еще, не погибну ли я сам, последовав по его стопам?

III

Безумие, вышедшее из моря

Если небеса пожелают когда-либо снизойти до меня своей милостью, пусть сотрут они без остатка все последствия той злосчастной случайности, что явилась мне в образе пожелтевшего бумажного листа. Листок этот никак нельзя отнести к обычным вещам, на какие я мог бы наткнуться в круге своих повседневных дел, — то был старый номер австралийской газеты «Сидней буллитин» от 18 апреля 1925 года. Как это ни странно, но его обошло своим вниманием даже бдительное пресс-бюро, в свое время выискивавшее повсюду материалы для научных изысканий моего деда.

С головой уйдя в изучение того, что профессор Энджелл назвал «культом Ктулху», я часто навещал своего ученого друга — хранителя музея и минералога из города Патерсона, что в штате Нью-Джерси. Рассматривая однажды образчики камней, разбросанные как попало на застланной старыми газетами полке в подсобном помещении музея, я краем глаза выхватил странную фотографию. Так я нашел тот самый пожелтевший номер газеты «Сидней буллитин», о котором упомянул ранее. Нужно заметить, что мой приятель поддерживал связи со всеми частями света, и газеты слали ему отовсюду. Привлекшая мое внимание фотография запечатлела высеченный на камне рисунок, по очертаниям своим почти идентичный каменному идолу, обнаруженному Леграссом в луизианских болотах.

Нетерпеливо стряхнув с газетного листа драгоценные минералы, я от первой до последней строки проштудировал приложенную к фотографии статью и был весьма разочарован слишком малым ее объемом. Тем не менее она придала новый мощный импульс моим научным амбициям, а потому я аккуратно вырезал ее и положил в карман. Вот что сообщала газета:

«ТАЙНА СУДНА, ОСТАВШЕГОСЯ БЕЗ КОМАНДЫ

"Виджилант" прибывает в порт, ведя на буксире новозеландскую яхту.

На борту обнаружены два члена экипажа — один жив, другой мертв.

Рассказ о кровавой схватке в море и гибели многих людей.

Спасшийся от смерти моряк отказывается сообщить подробности.

При нем обнаружен странного вида идол. Ведется расследование.

Сегодня утром к месту своей стоянки в гавани Дарлинга причалил прибывший из Вальпараисо сухогруз "Виджилант", имея на буксире приписанную к порту Данидин (Новая Зеландия) паровую яхту "Алерт". Яхта имеет на борту тяжелое вооружение, но, будучи основательно потрепанной в схватке, сейчас не на ходу. 12 апреля с. г. она была обнаружена в открытом море в районе 34°21' южной широты и 152°17' западной долготы с двумя людьми на борту, один из которых жив, другой мертв.

"Виджилант" вышел из Вальпараисо 25 марта, а 2 апреля исключительно мощным штормом и гигантскими волнами был отнесен далеко к югу. 12 апреля было замечено беспомощно дрейфующее и на первый взгляд оставленное командой судно. На самом деле на борту оказались двое моряков,

один из которых был жив, но находился в полубредовом состоянии; а другой умер, по всей видимости, еще неделю назад. Оставшийся в живых держал в руках ужасного каменного идола неизвестного происхождения, достигавшего в высоту около фута. Ученые из Сиднейского университета, Королевского научного общества и Музея на Колледж-стрит, которым была представлена статуэтка, затруднились ее идентифицировать. Оставшийся в живых моряк утверждает, что обнаружил ее в резном сундучке в одной из кают яхты.

Придя в себя, моряк рассказал поразительную историю о внезапном нападении пиратов и последовавшей за этим кровавой резне. Его зовут Густаф Йохансен; это вполне трезвомыслящий человек, норвежец по происхождению, служивший вторым помощником капитана на двухмачтовой шхуне "Эмма", приписанной к Оклендскому порту. 20 февраля с. г. шхуна вышла из Окленда, направляясь в Кальяо и имея на борту экипаж из одиннадцати человек. По словам Йохансена, 1 марта "Эмма" была сбита с курса и отброшена далеко на юг сильным штормом, а 22 марта в районе 49°51' южной широты и 128°31' западной долготы встретила с яхтой "Алерт", на борту которой находилась странного вида, агрессивно настроенная команда, в основном состоявшая из канаков и прочих полукровок. Главарь этой шайки ни с того ни с сего потребовал от капитана Коллинза немедленно повернуть назад, а когда тот воспротивился этому наглому приказу, с яхты был открыт яростный огонь из пушек неожиданно крупного калибра. Люди с "Эммы" приняли бой, и, хотя шхуна, получив несколько пробоин ниже ватерлинии, начала тонуть, им удалось взять врага на бордаж, схватиться с ним на его же палубе врукопашную и, несмотря на численное превосходство противника, одержать верх. Ввиду отчаянного сопротивления негодяев и зверских, подлых методов, которые они использовали при обороне, люди с "Эммы" были вынуждены уничтожить всех до одного. Трое из экипажа "Эммы", включая капитана Коллинза и его первого помощника Грина, были убиты в схватке, а оставшиеся семеро матросов под командованием второго помощника продолжили плавание на захваченной яхте, решив двигаться вперед ранее взятым курсом и заодно разузнать, что заставило капитана пиратов преградить им путь. На следующий день они обнаружили небольшой остров (что само по себе удивительно, ибо на карте в этой части океана не отмечено никаких островов) и высадились на нем, после чего шестеро матросов неизъяснимым образом погибли на берегу, причем Йохансен, как ни странно, уклоняется от изложения подробностей случившегося и лишь весьма туманно упоминает о падении погибших в некую расщелину между прибрежными скалами. Оставшись вдвоем, моряки немедленно поднялись на яхту и попытались довести ее до ближайшей гавани, но были подхвачены новым штормом, разыгравшимся 2 апреля. С того момента и вплоть до встречи с "Виджилантом", происшедшей 12 апреля, Йохансен почти ничего не помнит. Он даже не мог указать день смерти Уильяма Брайдена, своего товарища по несчастью. Видимых причин смерти матроса обнаружено не было, но можно предположить, что она наступила в результате сильного душевного потрясения или ввиду неблагоприятных условий плавания. Телеграфные сообщения, поступившие из Данидина, свидетельствуют о том, что яхта "Алерт" известна местным властям как каботажное судно, пользующееся дурной репутацией по всему побережью. Оно принадлежало подозрительной компании людей смешанной расы; частые и шумные сходки ее экипажа, сопровождавшиеся загадочными ночными выездами в лес, не раз привлекали внимание. Яхта вышла в плавание в чрезвычайной спешке сразу же после шторма и подземных толчков, случившихся 1 марта. Что же касается "Эммы" и ее экипажа, то наш оклендский корреспондент аттестует их самым положительным образом, а второго помощника капитана, норвежца Йохансена, называет во всех отношениях достойным человеком. С завтрашнего дня Морское министерство начнет расследование всего происшедшего, в ходе которого постарается убедить Йохансена высказаться более открыто и обстоятельно».

Вот и все, что содержал в себе обрывок старой газеты, не считая приложенной к статье фотографии адской статуэтки. Но какая цепь ассоциаций не замедлила выстроиться в моем мозгу! Открылись новые факты, связанные с культом Ктулху, не говоря уже о явном подтверждении странной заинтересованности в нем многих людей как на суше, так и на море. Что побудило головорезов со шхуны, на борту которой находился ужасный идол, в столь категорической форме приказать «Эмме» повернуть назад? Что это был за неведомый остров в океане, на котором нашли свою гибель сразу шестеро матросов из экипажа «Эммы» и о котором столь уклончиво говорил помощник капитана Йохансен? Что показало расследование, проведенное в адмиралтействе, и что знали об этом пагубном культе в самом Данидине? И — самое поразительное — разве во всей этой истории не обозначилась глубокая и более чем наглядная связь целого ряда дат, придающая зловещую и теперь уже неоспоримую значимость разным событиям, скрупулезно отмеченным моим покойным дедом в своей рукописи?

1 марта, что, согласно международной демаркации суточного времени, соответствует нашему 28 февраля, случилось землетрясение, а вслед за ним шторм. И почти сразу же яхта «Алерт» со всем ее бандитским экипажем, словно повинувшись чьему-то властному зову, ринулась в открытый океан. Одновременно в другом полушарии планеты многие поэты и художники начали видеть во сне вставший из воды странный циклопический город, а молодой скульптор, находясь в состоянии транса, вылепил из глины фантазмагорический образ Ктулху. 23 марта остатки экипажа «Эммы» высадились на неизвестном острове, потеряв при этом шестерых матросов, — и в тот же день сны людей с чувствительным восприятием достигли наивысшей живости и были омрачены ужасным видением угрожающе надвигавшегося на них гигантского монстра; именно в этот день известный архитектор потерял рассудок, а молодой скульптор впал в бредовое состояние. 2 апреля последовал еще один шторм, и тотчас прекратились все сновидения о мрачном городе, а Уилкоккс вырвался из тенет своей странной лихорадки. А если еще вспомнить зловещий рассказ старого Кастро о рожденных на далеких звездах и впоследствии затонувших вместе со своим городом Властителей Древности, об их влиянии на своих приверженцев и власти над сновидениями людей, то все эти факты говорили о многом. Уж не топтался ли я на краю черной пропасти космических ужасов, пережить которые не под силу человечеству? Пусть так, но отныне они являются чисто умозрительным явлением, ибо, что бы ни случилось на самом деле 2 апреля, чудовищная угроза потери собственного «я», замаячившая было перед человечеством, с той поры отодвинулась на неопределенное время.

В тот памятный вечер, потратив весь день на рассылку срочных телеграмм и сборы в дорогу, я распрощался со своим гостеприимным хозяином и сел в поезд, отправлявшийся в Сан-Франциско. Менее чем через месяц я уже был в Данидине и очень скоро выяснил, что здесь почти ничего не знают о приверженцах ужасного культа, целыми днями околавивавшихся в тавернах. «Портовый сброд, он и есть сброд, не стоящий внимания» — так рассуждали местные жители. Правда, ходили неясные толки о поездке компании каких-то полукровок на холмы за городом, а также отблесках красного пламени и слабом рокоте барабанов, доносившемся оттуда. В Окленде я узнал, что Йохансен после поверхностного и ничего не давшего допроса в Сиднее *вернулся совершенно седым* и тотчас продал свой коттедж на Вест-стрит, после чего вместе с женой спешно отбыл в Осло, на родину. Что же до его ужасных приключений, то даже своим самым близким друзьям он рассказал не более того, что услышали от него официальные лица из Морского министерства, а потому единственное, чем они смогли мне помочь, — это дать его адрес в Осло.

Вслед за тем я прибыл в Сидней, где без всякого ощутимого результата беседовал с матросами в порту, а также с некоторыми лицами из суда адмиралтейства. Ходил я взглянуть и на яхту «Алерт», проданную с торгов и переоборудованную для коммерческих перевозок, но осмотр ее не дал мне ровным счетом ничего. Ужасный идол с головой каракатицы, скрючившимся телом дракона,

чешуйчатыми крыльями и таинственными иероглифами на пьедестале хранился теперь в музее Гайд-парка. Я долго и тщательно изучал его. В безупречном совершенстве его исполнения таилось нечто дьявольское. Одним словом, он являл собой полную аналогию статуэтке, обнаруженной Леграссом, хотя и существенно уступал ей в размерах. Как объяснил мне смотритель музея, материал, из которого была изваяна фигурка, остается неразрешимой загадкой для геологов — все видевшие ее специалисты единодушно поклялись, что подобной горной породы не существует во всем мире. И тут я снова с содроганием вспомнил слова старого Кастро, сказанные им Леграссу о Властителях Древности: «Они явились со звезд и принесли с собой собственные изображения».

После всех этих изысканий я уже не мог остановиться на полпути и решил навестить Йохансена в Осло. Добравшись морем до Лондона, я сразу же пересел на пароход, следующий до норвежской столицы, и в один из осенних дней высадился на чистенькой, нарядной пристани под сенью Эгеберга. Адрес, по которому я разыскивал Йохансена, привел меня в Старый город короля Харальда Сурового, пронесший древнее имя Осло через века, не обращая внимания на то, что разраставшаяся вокруг новая столица жила под маскарадным именем «Христиания». Недолгая поездка в такси — и вот я уже с замиранием сердца стучусь в дверь опрятного старинного домика с оштукатуренным фасадом. На мой стук откликнулась одетая в черное женщина с печальным лицом и буквально сразила меня, объявив на ломаном английском языке, что Густафа Йохансена нет в живых.

Скорбящая вдова поведала мне, что по возвращении на родину он прожил совсем недолго — все приключившееся с ним тогда в море сломило его дух. Ей он рассказал не больше того, что и всем прочим, однако после него осталась толстая тетрадь, заполненная, как он ей объяснил, «чисто техническими записями». Тетрадь была исписана по-английски, чтобы, как можно было догадаться, ее не прочел из праздного любопытства кто-нибудь из домашних. Однажды, когда Йохансен не спеша шел по узкому проулку близ Гетеборгского дока, из чердачного окна вывалилась тяжелая кипа газет и угодила ему в голову. Двое матросов-индийцев сразу подбежали к нему и помогли подняться на ноги, но, прежде чем прибыла карета «скорой помощи», он был уже мертв. Не обнаружив видимых причин смерти, врачи объяснили ее внезапным сердечным приступом и общим ослаблением организма.

При этих словах меня пронзил темный, неизъяснимый ужас, от которого мне уже не избавиться до тех пор, пока я не умру — неважно, естественным ли образом или в результате «несчастливого случая». Убедив вдову, что я имею самое непосредственное отношение к «техническим записям» ее мужа и, таким образом, имею на них полное право, я взял тетрадь с собой и, устроившись в шезлонге на палубе следующего в Лондон парохода, углубился в чтение. То было бесхитростное и довольно бессвязное повествование — наивная попытка простого моряка написать задним числом нечто вроде дневника, при этом стараясь как можно точнее, день за днем, воспроизвести свое ужасное плавание. Я не берусь пересказывать его подробно, во всей его туманности и многословии, но суть дела постараюсь изложить достаточно связно — хотя бы для того, чтобы объяснить, почему вдруг привычный плеск воды за бортом показался мне настолько непереносимым, что я вынужден был заткнуть уши ватой.

Йохансен, благодарение Господу, не знал всего того, что знаю я, — пусть ему и довелось увидеть своими собственными глазами и зловещий город, и обретающее в нем чудовищное существо. Мне же до конца жизни не суждено больше заснуть спокойным сном, ибо я ни на секунду не могу позабыть об угрозе, затаившейся вне нашей повседневной жизни, вне привычных нам времени и пространства, — об ужасных богомерзких монстрах, что пришли с древних звезд и теперь дремлют под толщей океанских вод, свято чтимые приверженцами кошмарного культа, которые внимают идущему из-под земли зову и ждут, когда новое землетрясение поднимет к солнцу

грозный гибелью всему человечеству каменный город и настанет пора выпустить в мир их жестоких богов.

Плавание Йохансена, как он и сообщил в адмиралтейском суде, началось 20 февраля, когда «Эмма» без груза на борту вышла из Окленда, чтобы вскоре испытать на себе всю мощь вызванного землетрясением шторма. После того как судно снова стало слушаться руля, плавание было продолжено, а 22 марта «Эмма» была атакована пиратской яхтой «Алерт». Читая эту скорбную исповедь, я не мог не прочувствовать всю горечь, которую испытывал помощник капитана, описывая расстрел и потопление своей шхуны. О темнокожих бестиях с «Алерта» он говорит не иначе как с суеверным страхом. От них веяло чем-то непереносимо отвратительным, а потому уничтожение этого сброда экипаж «Эммы» считал для себя едва ли не священным долгом. Йохансен с простодушным удивлением вспоминает обвинение в жестокости, выдвинутое против его команды расследовавшими дело морскими чиновниками. Так или иначе, захватив вражескую яхту, матросы под командой Йохансена продолжили плавание прежним курсом, увлекаемые вперед самым обыкновенным любопытством. В районе 47°09' южной широты и 126°43' восточной долготы они увидели прямо перед собой вздымающийся из океана гигантский каменный монолит и некоторое время плыли вдоль окруженной накипью из грязи, ила и водорослей циклопической стены, которая — как я понимал — не могла быть ничем иным, как осязаемым воплощением наивысшего земного ужаса, кошмарным городом-трупом Р'льехом, построенным в неизмеримо далекие доисторические времена отвратительными существами, прибывшими на Землю откуда-то с темных звезд. Здесь покоится великий Ктулху со своими неисчислимыми ордами, которые из гробниц и посылают наверх, преданным приспешникам, мысли-сновидения, повелевающие способствовать их освобождению, возврату к жизни и к былому господству. Ни о чем подобном Йохансен, конечно, и не подозревал, но ему вполне хватило и того, что он увидел!

Я полагаю, что на самом деле из океана поднялась лишь самая верхушка горы — главной цитадели подводного города, увенчанной чудовищной каменной гробницей, где был погребен великий Ктулху. Когда я пытаюсь представить себе истинные масштабы того, что до поры милосердно скрывают от нас глубины моря и суши, мне хочется немедленно перерезать себе горло. Я несколько не сомневаюсь в том, что и Йохансен, и его люди были потрясены космическим величием этого сочащегося влагой Вавилона древних дьяволов и без всякой подсказки догадались о его внеземном происхождении. Ужас перед необъятными размерами позеленевшей каменной громады, перед головокружительной высотой покрытого резным орнаментом монолита, перед поразительным родством всего увиденного с идолом, найденным в каюте яхты, сквозит в каждой строке, выведенной рукой помощника капитана.

Не имея, как мне думается, ни малейшего представления о футуризме, Йохансен удивительным образом приближается к постижению его сути, когда рассказывает о найденном им чудовищном городе; не видя возможности конкретно описать его структуру, он пытается передать лишь самое общее впечатление от «неправильных углов» и испещренных богомерзкими изображениями и каракулями каменных поверхностей, слишком грандиозных и неохватных, чтобы быть соотнесенными с чем-либо, существующим на Земле. Упоминание Йохансена об углах я привожу здесь намеренно, ибо в нем угадывается близкое сходство с тем, о чем мне ранее говорил Уилкоккс, описывая свои ужасные сновидения. Он утверждал, что геометрия увиденного им во сне города была ненормальной, неевклидовой, а, напротив, зловеще напоминающей о пространствах и измерениях, совершенно чуждых земным. И вот теперь малообразованный моряк, с ужасом озирающий непонятную ему реальность, испытывал те же чувства.

Йохансен и его люди все же осмелились высадиться на хлюпающие грязевые наносы у подножья чудовищного акрополя и, оскальзываясь и срываясь, начали карабкаться на гигантские илистые камни, на которых не было высечено ни единой подходящей для ноги человека ступени.

Даже солнце казалось искаженным, когда ему доводилось проглядывать сквозь переливающиеся, преломляющие свет миазмы, которые извергала из себя эта проклятая искривленная бездна, и всякий раз, как взгляд моряка падал на один из зловещих, ускользавших от взгляда углов выпукло-вогнутой, покрытой орнаментом глыбы, ему чудилась таящаяся в них скрытая угроза и тревожное ожидание чего-то.

Еще задолго до того, как глазам матросов предстало нечто куда более ужасное, нежели эта скала, ил и водоросли, ими всецело овладело чувство, близкое к паническому страху. Любой из них, не боясь он насмешек товарищей, охотно бы сбежал обратно на яхту, и, казалось, они сами не верили в необходимость своего дальнейшего пребывания в месте, явно не пригодном для сбора сувениров.

Первым на подножье монолита взобрался португалец Родригеш. Очевидно, его взору предстало нечто совершенно необычное, ибо он не смог удержаться от удивленного восклицания. К нему тотчас же присоединились остальные, и некоторое время весь экипаж со страхом и любопытством взирал на огромную дверь, покрытую резным орнаментом и украшенную барельефом, на удивление схожим с уже знакомой всем статуэткой. Дверь эта, пишет Йохансен, чем-то напоминала амбарную, но, естественно, была несравнимо больше. И хотя каждый из присутствующих понимал, что перед ними именно дверь и ничто иное, ибо при ней, как при самой обычной двери, имелись косяки, порог и притолока, никто не мог определить, лежала ли она горизонтально, как крышка люка, или наклонно, как вход в погреб. Как опять-таки сказал Уилкоккс, геометрия этого города была абсолютно невероятной. Оказавшись посреди него, никто не смог бы с уверенностью сказать, что море и суша расположены горизонтально, а потому положение одного предмета относительно другого было почти невозможно определить.

Брайден несколько раз толкнулся, пытаясь приоткрыть ее. У него ничего не вышло, и тогда Донован осторожно ошупал ее нижнюю часть по периметру, по ходу дела легонько нажимая на каждый ее участок. Потом он бесконечно долго карабкался вверх — если, конечно, допустить, что дверь и впрямь была расположена вертикально, — вдоль гротескного литого орнамента, и следившие за ним матросы недоумевали по поводу того, как вообще может какая-либо дверь во Вселенной оказаться такой неохватной. Наконец огромная, едва ли не с акр величиной, верхняя часть дверной панели начала очень медленно и плавно подаваться куда-то внутрь, как если бы она была подвешена на шарнирах. Донован соскользнул вниз — вернее будет сказать, подвинулся вдоль дверного косяка вплотную к своим товарищам, и все вместе они стали следить за причудливым скольжением чудовищных резных ворот. В этой фантазмагории призматического искажения она двигалась по какой-то неестественной диагональной траектории, опровергая все существующие законы материи и перспективы.

Открывшийся проход был непроглядно черным, и эта чернота казалась почти физически осязаемой. Мрак поистине имел материальные свойства, ибо заслонял от взгляда стены внутреннего помещения наподобие занавеса. Он словно затаился внутри в ожидании момента, когда ему позволят появиться на свет. Спустя мгновение он и в самом деле вырвался из своего многовекового заточения подобно дыму, омрачая солнце, и устремился на трепещущих, хлопающих перепончатых крыльях к отпрянувшему, прогнувшемуся в ужасе небу. Из разверзшихся адских бездн хлынул нестерпимый смрад, а Хокинсу с его тонким изошренным слухом почудилось, будто он слышит там, внизу, противный хлюпающий звук. Вслед за ним этот звук услышали все присутствующие. Они стояли и продолжали замороженно прислушиваться, пока на свет, хлюпая и чавкая, не явилась сама Тварь — неуклюже, словно бы ощупью, она протиснулась всей своей студенистой зеленой громадой сквозь черную рамку двери и, тяжело перевалившись через край, застыла в зловонном преддверии этого смертоносного града безумия.

В этом месте записей у несчастного Йохансена начала дрожать рука, и почерк стал почти неразборчивым. Двое из шести не вернувшихся на яхту матросов в эту навеки проклятую минуту скончались на месте от одного лишь испуга. Судя по всему, эта Тварь не поддается никакому описанию — ни у кого просто не найдется слов, чтобы дать хотя бы мимолетное представление об этом средоточии злобного, пронизывающего душу древнего безумия, этом клубке ужасающих противоречий всему существу на свете, этом вызове всем силам природы и самому извечному миропорядку. Взору потрясенных моряков предстала гора, в одно и то же время движущаяся и застывающая на месте. Боже! Следовало ли удивляться тому, что в этот самый миг по другую сторону океана знаменитый архитектор утратил рассудок, а бедняга Уилкоккс впал в горячечный бред? В этот миг божество, воплощенное в ужасных идолах, это зеленое и липкое исчадье черных звезд очнулось от многовекового забвения, чтобы вновь заявить о себе. Звезды приняли благоприятное положение, и то, что не удалось сделать приверженцам древнего культа, случайно совершила кучка ни в чем не повинных матросов. После миллионов лет чуткого сна великий Ктулху вновь был свободен и намеревался взять свое.

Трое матросов были сметены дряблой когтистой лапой, прежде чем успели понять, что происходит. Упокой, Господи, души Donovan, Гереры и Ангстрема! Трое других, скользя по бесконечно широкой, покрытой зеленоватой коркой каменной поверхности, бешено рванулись назад, к яхте. Внезапно бедняга Паркер оступился, и Йохансен клянется, что его тут же втянул в себя угол каменной цитадели, которого мгновение назад здесь не было и не должно было быть, — и угол этот был острым, хотя и обнаружил вдруг свойства тупого. Едва Брайден и Йохансен успели прыгнуть в шлюпку и схватиться за весла, как гороподобное чудовище зашлепало за ними по илистым камням, лишь на короткое время задержавшись у кромки воды.

На их счастье, пар в котлах был спущен не до конца, а потому им хватило всего лишь нескольких лихорадочных перебежек от штурвала к машине и обратно, чтобы привести судно в движение. Медленно, очень медленно, среди извращенных, не укладывающихся в сознании картин этого неопишуемого ужаса они принялись вспенивать злосчастные воды, в то время как по камням кладбищенски мрачного побережья неуклюже шлепала исполинская звездная Тварь, подобно Полифему, проклинаящему ускользнувший от него корабль Одиссея, исходя слюной и бормоча что-то невнятное. И все же великий Ктулху оказался дерзновеннее легендарного циклопа. Погрузив свои необъятные тела в воду, он пустился вслед за яхтой, вздымая огромные валы. Брайден оглянулся назад и, в один миг лишившись рассудка, залился пронзительным безумным смехом. Отныне ему было суждено проводить за этим занятием все свои дни — до тех пор, пока в одну из ночей, когда Йохансен в бреду и беспамятстве бродил по палубе, к бедняге не пришла милосердная смерть.

В отличие от своего товарища Йохансен решил не сдаваться. Понимая, что звездная тварь неминуемо настигнет не успевшую набрать ход яхту, он предпринял отчаянный маневр: поставив регулятор хода на «полный вперед», он молнией взлетел на палубу и резко повернул штурвал. Совершив стремительный разворот во вспененной зловонной воде, отважный норвежец направил нос яхты навстречу преследовавшему его ужасному студенистому телу, что вздымалось над смрадной пеной подобно корме дьявольского галеона. Вскоре жуткая осьминожья голова с извивающимися щупальцами оказалась непосредственно под бушпритом мощно разогнавшейся яхты, но Йохансен неумолимо направлял ее вперед. Вдруг что-то оглушительно треснуло, как если бы лопнул чудовищной величины пузырь, и вода покрылась толстым слоем густой слизи, какую могла бы произвести разорвавшаяся на куски гигантская медуза, а воздух исполнился смрадом тысяч разверзшихся могил. В воздухе разнесся вопль, для описания которого несчастный летописец не сумел подыскать подходящего слова. На мгновение судно окуталось едким, ослепляющим зеленым облаком, а затем за кормой послышалось какое-то мерзкое бульканье.

Великий Боже, это разбросанные ударом яхты осклизлые останки тела ужасающего исчадия звезд неизъяснимым образом воссоединялись в своем богомерзком первородном естестве! Однако даже великому Ктулху потребовалось некоторое время для того, чтобы собрать себя воедино, и за это время яхта «Алерт», набирая скорость при возрастающем давлении в котлах, успела ускользнуть из этого проклятого места.

Вот и все. Далее Йохансен говорит только об ужасной статуэтке, найденной в каюте яхты, и о проблемах с пропитанием, которое ему пришлось добывать для себя и для безумца, то и дело заливавшегося бессмысленным хохотом. После первого отчаянного прилива отваги Йохансен больше не пытался управлять яхтой, словно наступивший вслед за тем резкий упадок сил отнял у него и часть души. 2 апреля последовал новый шторм, во время которого сознание норвежца заволочла мрачная пелена. Он смутно припоминал свои призрачные блуждания в каких-то бесконечных водных безднах, сменявшиеся головокружительными полетами на хвосте кометы сквозь крутящиеся вихрем вселенные. Затем были безумные взлеты из неведомых темных глубин к самой луне, за которыми следовали стремительные погружения обратно во мрак, — а надо всем этим гремел безудержный хохот целого сонмища Властителей Древности, которые являлись ему с искаженными от смеха лицами и в сопровождении кривлявшихся зеленых бесенят с крыльями летучих мышей.

Спасение из этого кошмара явилось в образе «Виджиланта». Затем был допрос в адмиралтействе, людные улицы Данидина и, наконец, долгий путь на родину. Он не стал никому ничего рассказывать, понимая, что его тут же примут за умалишенного, и доверился лишь бумаге, но об этом не должна была знать даже жена. Моряк с нетерпением ждал смерти, ибо только она могла принести ему благо, раз и навсегда уничтожив страшные воспоминания.

Таков был документ, прочитанный мною на пути в Лондон; теперь он покоится в жестяном ящике рядом с барельефом Уилкокса и бумагами профессора Энджелла. Вместе с ними суждено кануть в забвение и этой моей рукописи, в которой по воле случая сошлось воедино то, чему, я надеюсь, никогда впредь не соединиться. Мне было дано познать все ужасы, от каких должна оберегать себя Вселенная, — и отныне даже весенние небеса и летние цветы для меня не радость, но горькая отравка. Впрочем, вряд ли меня ждет долгая жизнь. Скорее всего, я уйду так же, как ушли мой дед и бедняга Йохансен. Я знаю слишком много, а ужасный культ все еще жив.

Жив еще и Ктулху — я думаю, он по-прежнему покоится в каменной пропасти, что укрывала его с тех времен, когда наше солнце было еще совсем молодым. Очевидно, проклятый город вновь погрузился в океанскую глубину, ибо после апрельского шторма «Виджилант» прошел над этим местом и не обнаружил ровным счетом ничего. Но его окаянные слуги и почитатели там, наверху, все так же скачут, мычат, вопят и убивают своих жертв, собираясь в самых потаенных местах Земли вокруг каменных монолитов, на которые они водружают своих ужасных идолов. Навсегда ли океан увлек его в свои черные бездны, или миру снова будет суждено стенать и метаться под гнетом страха и безумия? Кто знает? Что поднялось, то может вновь погрузиться вглубь, а что погрузилось — может снова подняться. Воплощенный ужас дремлет и ждет своего часа в бездне, а гибельный дух его веет над обреченными городами людей. Настанет час, и... — но я не должен, я не могу думать об этом! Лучше я буду молиться о том, чтобы в случае, если мне не суждено пережить эту рукопись, мои душеприказчики отдали предпочтение не смелости, но благоразумию и осторожности, проследив за тем, чтобы посторонний взор никогда не коснулся этих строк.

*Перевод: Л. Кузнецов
1993 год*